

УДК 39(=511.1)(470+571)

Е. А. Кондрашкина

**ФИННО-УГОРСКИЕ ДИАСПОРЫ РОССИИ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ
И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА***

Марийцы, мордва и удмурты наиболее диаспоризированы среди всех финно-угорских народов России. На основе изучения генезиса диаспор этих народов, их историко-культурного развития и современного состояния ставится цель определить социолингвистические особенности их функционирования в истории и современности, а также проблемы сохранения языка и этничности в условиях инонационального окружения.

Финно-угорские диаспоры расселены в разных регионах России; особенно много их в Приволжском федеральном округе, его областях и республиках. В областях, где обычно преобладает русское население, местные власти оказывают поддержку в основном русскому языку, хотя в некоторых областях работают школы для диаспор. Исследования показывают, что в Республиках Татарстан и Башкортостан созданы наиболее благоприятные условия для диаспор, которые и стали предметом рассмотрения в статье.

Ключевые слова: марийская диаспора, мордовская диаспора, удмуртская диаспора, адаптация диаспоры, сохранение языка и культуры, школьное образование, национально-культурные автономии.

Диаспора – это «совокупность лиц определенной этнической принадлежности, проживающая за пределами основного традиционного места расселения этого народа, объединенная общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющая свой этнический язык в качестве одного из средств общения» [Словарь...2006, 57]. Диаспоры могут представлять разные по демографической мощности этнические группы: одни более крупные, другие не столь значительные по количеству, но все они сильны осознанием своей принадлежности к той или иной этнической группе.

Диаспоры оказываются вне своей метрополии в силу различных исторических причин: нехватки земли, пригодной для земледелия (ранние диаспоры),

* Теоретическая концепция понятия «диаспора» отражена в статье автора «Диаспора» в кн. «Язык и общество. Энциклопедия» (М.: Азбуковник, 2016. С. 134–142).

военных действий, вооруженных конфликтов, передела границ, насильственного переселения (депортации), распада государства, как это было при распаде СССР, когда за пределами Российской Федерации оказалось много русских.

Диаспоры серьезно влияют на регионы-реципиенты: на изменение их демографической структуры, этнического и конфессионального состава.

На масштабность явления диаспоры в Российской Федерации указывает финский исследователь С. Лаллукка, который пишет «что из 20 млн. представителей нерусских народов, имеющих свои титульные автономные образования, около 8 млн. человек проживают вне данного образования» [Лаллукка 1999, 47]. При этом С. Лаллукка подчеркивает, что особо внушительных размеров достигает диаспоризация финно-угорского населения России: «каждый второй представитель этих народов живет за пределами соответствующего титульного национально-государственного образования» [Лаллукка 1999, 47–48]. У отдельных народов он достигает значительных показателей, например, согласно переписи 2010 г., у мордвы – 55,2 %, у марийцев – 46,9 %, у удмуртов – 25,7 % [Итоги... 2012, 86–88, 90–91]. (В статье рассматриваются диаспоры этих народов).

Наиболее крупные диаспоры финно-угров сосредоточены в следующих регионах: мордва – Самарская обл. (65447 чел.), Пензенская обл. (54703), Ульяновская обл. (38977), Башкортостан (20300), Татарстан (19156), Нижегородская обл. (19138); марийцы – Башкортостан (103658 чел.), Кировская обл. (29598), Свердловская обл. (23801), Татарстан (18848), Нижегородская обл. (6415); удмурты – Татарстан (23454 чел.), Башкортостан (21477), Свердловская обл. (20819), Кировская обл. (13639) [Итоги... 2012, 55–91].

По времени возникновения диаспоры могут считаться «старыми» и «новыми». Финно-угорские диаспоры России несомненно «старые», поскольку их формирование началось еще в XVI–XVII вв. и закончилось в XIX в., в отличие от «новых» диаспор, возникших в XX и XXI вв. История появления финно-угорских диаспор во многом схожая.

Марийцы – один из древнейших народов Восточной Европы, сформировавшихся в сер. – вт. пол. I тыс. н. э. на Волге. Большинство исследователей, в частности, московский археолог А. П. Смирнов, считают, что этнические основы марийцев сложились на базе волжско-финских племен правобережья Средней Волги [Сепеев 2006, 25].

В VII в. на Средней Волге, теснимые хазарами, появляются тюрко-булгарские племена и образуют на территории современного Татарстана раннефеодальное государство – Волжскую Булгарию. Со времени расселения булгар на правобережье Волги началось переселение части марийцев в левобережье.

Одновременно с этим происходило вовлечение марийцев в зону русского влияния, а постоянные контакты с русским населением прослеживаются примерно с XIII–XIV вв. С основанием в 1221 г. Нижнего Новгорода начинается массовое перемещение окрестных марийцев с Оки и Волги в сторону р. Суры и в левобережье в сторону р. Ветлуги. В 1236 г. Булгария была разгромлена наступающими на Русь монгольскими войсками хана Батыея. Марийцы, как и многие другие народы Среднего Поволжья, были включены в состав Золотой Орды [Сепеев 2006, 43–44].

Коренное марийское, мордовское и удмуртское население часто становилось объектом военного противостояния Золотой Орды и Руси, приносившего большие бедствия и разорения. В ходе борьбы Москвы с Казанским ханством марийские земли окончательно перешли в состав Русского государства. В 1546 г. под контроль Москвы попали земли горных мари, а после захвата Казани в 1552 г. – луговое левобережье. При этом если горные марийцы добровольно присоединились к русским, то луговые долго сопротивлялись присоединению, участвуя в «черемисских (черемисы – прежнее название мари) войнах», которые продолжались с 1552 г. более трех десятилетий. Особенно крупный черемисский бунт вспыхнул в 1583 г., но был жестоко подавлен русским правительством [Талпаз 2007, 13].

После присоединения к Русскому государству начинается интенсивное заселение марийских земель русскими. С кон. XVI в. налоговый гнет и притеснения усиливаются, вследствие чего тысячи марийцев стали переселяться на восток, в Башкирию и Предуралье.

Вторая волна переселенцев началась с момента насильственной христианизации, развернувшаяся в XVIII в. Чтобы облегчить управление завоеванными народами, Русское государство поставило целью обратить язычников в христианство. С указа 1740 г., определившего цели, задачи и методы христианизации, началось крещение «инородцев».

Языческие марийцы, как правило, негативно относились к попыткам обратить их в другую веру и в знак протеста, спасаясь от христианизации, стали переселяться на земли нынешней Башкирии и на Урал. Так, в этих районах образовались крупные анклавы марийского населения. Фактически, эти две волны марийских переселенцев и положили начало формированию обширной диаспоры за пределами марийских земель. Процесс переселения марийцев на восток завершился к сер. XVIII в.

Формирование мордовской диаспоры, состоящей из двух этнических групп – мокши и эрзя, также шло под влиянием исторических событий, характерных для IX и последующих веков. Начиная с IX в. мордва (в особенности – мокша на юге и востоке) попадает под влияние Волжской Булгарии, а с XI в. мордовские земли привлекли внимание русских князей. Борьба за зоны влияния обострилась в кон. XII – нач. XIII в. А конец этой борьбе положили татаро-монголы, в ходе нашествия которых мордовские земли были подчинены монголам. С другой стороны, во вт. пол. XIV в. часть мордовских земель попадает под власть нижегородских князей. Приток русских поселенцев вызвал миграции мордвы на восток, сначала – в Поволжье, на территории нынешних Самарской, Ульяновской, Саратовской обл., Татарстана, а затем, в XVII в., – в Заволжье и Предуралье, в Башкирию, Оренбургскую обл. Эти миграции привели к чрезвычайно дисперсному и широкому расселению мордвы, образованию мордовских диаспор [Мордва... 2008].

Что касается удмуртов, то они тоже исконное автохтонное население Урало-Поволжского региона, но, начиная с сер. I тыс. н.э. и вплоть до нач. XVIII в., они вынуждены были постоянно мигрировать в связи с тюркской и славянской колонизацией края. В ходе переселений удмуртам приходилось покидать осво-

енные ими земли по берегам Камы и Белой Вятки и к кон. XVII – нач. XVIII в. территория их расселения окончательно сложилась на месте современной Удмуртской Республики.

Присоединение удмуртов в сер. XVI в. к Московскому государству стало позитивным толчком к началу процессов формирования удмуртской народности и консолидации их в рамках единого государства. В то же время практика проведения административно-территориальных размежеваний без учета исторически сложившихся ареалов расселения народов приводила к разрыву традиционных внутриэтнических связей. В результате такой политики к кон. XIX – нач. XX в. крупные удмуртские массивы оказались в границах различных административных образований и как следствие – в иноэтничном окружении (русском, татарском, башкирском, марийском). При этом разделительные рубежи могли быть определены и между едиными этнографическими группами, например, закамскими удмуртами (современные удмурты Куединского р-на Пермской обл. и удмурты Республики Башкортостан), что впоследствии существенно повлияло на их этнокультурное развитие [Шеда-Зорина 2007, 187].

Сами закамские удмурты объясняют переселение предков стремлением сохранить свои исконные религиозные верования. Они называют себя «истинными удмуртами», противопоставляя себя удмуртам-христианам.

В сер. – вт. пол. XVI в. Московской Русью были полностью завоеваны и включены в систему русской государственности восточные финно-угорские народы, находившиеся до этого под властью татарских ханств.

Для судеб финно-угорских народов вхождение в состав Руси имело важные последствия. Общение и контакты с русским народом способствовали формированию некоторых общих черт материальной и духовной культуры, хозяйствования и быта. В то же время, как отмечает марийский ученый К. Н. Сануков, исконная «духовная культура, традиции, языковая жизнь подверглись разрушительному воздействию» [Сануков 2001, 129].

Как показывают исследования, особенности национального уклада жизни диаспоры зависят от места проживания и сохраняются лучше у жителей сельской местности. Переезжая в город или поселок городского типа даже на своей этнической территории, переселенцы меняют условия жизни и национального окружения, так как город по своей природе космополитичен. Миграция же за пределы своей традиционной территории расселения оказывает еще более интенсивное воздействие на культуру и на язык мигрантов, которые чувствуют оторванность от своей национальной среды.

Если на новом месте жительства уже существуют диаспоры, это значительно облегчает адаптацию вновь прибывающих соотечественников, так как именно в рамках диаспоры они могут получить психологическую, а иногда и материальную поддержку. Однако ощущение психологического дискомфорта, в той или иной степени свойственно всем диаспорным группам и связано с их неизбежной вовлеченностью в сложную систему отношений трех сторон – нового места проживания, самой диаспоры и покинутой родины.

Сравнивая современное положение финно-угорских диаспор в Российской Федерации, можно отметить, что власти республик Башкортостан и Татарстана,

где образовались крупные общины финно-угров, лучше, чем администрации областей понимают специфику диаспорных потребностей, а в областях, где преобладает русское население, областные руководители, по мнению С. Лаллукка, чаще всего проводят русскоцентристскую политику [Лаллукка 2000, 96].

Марийская диаспора Башкортостана – самая крупная в России. На территории современного Башкортостана марийцы расселены на севере и северо-западе региона, в Мишкинском, Калтасинском, Бирском, Шаранском, Дюртюлинском, Янаульском, Краснокамском, Балтачевском, Нуримановском, Илишевском, Белебеевском, Бакалинском, Благовещенском р-нах, а также в гг. Уфа, Нефтекамск, Октябрьский, Туймазы, Бирск. Около одной трети марийского населения Башкортостана проживает в городах и поселках. Остальные – в деревнях и селах, которых насчитывается более 240 [Кондрашкина 2008, 135]. Самые крупные села, в которых марийцы составляют большинство, – это Мишкино и Калтасы. Многим марийским деревням по 300 и более лет. Мишкино – своеобразная столица марийской диаспоры в Башкортостане, вокруг которой сосредоточена вся ее культурная жизнь. Как показывают социологические исследования, марийцы Башкортостана хорошо сохранили свою культуру, обычаи, обряды и лучше, чем марийские диаспоры в других субъектах России, сохранили свой язык. Отличаются они также и высоким уровнем этнического самосознания.

На территории Татарстана марийское население компактно проживает в следующих районах: Агрызском, Актанышском, Арском, Елабужском, Кукморском, Мамадышском, Менделеевском, Мензелинском, Муслюмовском р-нах и гг. Казань и Набережные Челны. Его сельскую часть представляют более 30 сел и деревень, рассредоточенных в бассейнах Вятки и Камы, в северных районах республики. Около двух третей из существующих в Татарстане марийских населенных пунктов расположены восточнее Вятки. Марийцы, живущие в Республике Татарстан, относятся к восточным марийцам, в отличие от горных и луговых, населяющих Республику Марий Эл.

Мордовская диаспора обосновалась в основном на западе Республики Башкортостан. Главные мордовские поселения находятся в Фёдоровском, Бижбулякском, Стерлитамакском и Чишминском р-нах.

В Татарстане мордва проживает на юге и в центре республики, в районах – Лениногорском, Альметьевском, Тетюшинском, Алексеевском и Черемшанском, в гг. Казань, Нижнекамск, Набережные Челны. Много эрзянских сел расположено в Лениногорском р-не [Мордва и в Татарстане...].

Удмурты, проживающие на территории за рекой Камой вне Удмуртии, называются этнографами «закамскими удмуртами». Они населяют северные и северо-западные районы республики Башкортостан – Балтачевский, Бураевский, Ермекеевский, Илишевский, Калтасинский, Кушнаренковский, Татышлинский и Янаульский. В Татарстане – Бавлинский р-н, в Пермской обл. – Куединский р-н, в Свердловской обл. – Красноуфимский р-н [Садиков 2006, 165]. Удмуртские деревни в основном однонациональные, но часть населения живет в смешанных поселках, больше всего в удмуртско-татарско-башкирских, но есть и удмуртско-татарско-марийские и удмуртско-русские деревни.

Обычно первое, с чего начинается адаптация мигрантов в новых условиях – это овладение языком титульной нации или окружающего этнического большинства. В результате те, кому это удастся, зачастую становятся трехязычными (родной язык + русский + новый язык). Например, в Татарстане владели татарским языком 35 % всех проживающих там удмуртов, 30 % марийцев и 4,4 % мордвы. В Башкортостане башкирским языком владели 4,5 % удмуртов, 2,5 % марийцев, 1 % мордвы. Но поскольку в Башкортостане проживает большое количество татар, татарским языком там владели: 35,7 % удмуртов, 19,9 % марийцев и 2,6 % мордвы [Итоги... 2012, 192–195]. (Интересный факт: башкирским языком владеет меньшее количество финно-угров, живущих в Башкортостане, чем татарским). Некоторые представители диаспор хорошо знают и татарский, и башкирский языки. Практически все живущие в диаспоре являются двух- и трехязычными, поскольку обычно владеют также русским языком.

Попадая в иноязычное и иноэтническое окружение, мигранты всегда должны выбирать, на что им ориентироваться в своем самосознании: на этническую культуру страны исхода или отождествлять себя с доминирующей культурой по месту нового жительства.

Двойственное положение диаспоры по отношению к принимающей стране и исторической родине проявляется и в деятельности диаспоры, определяемой ее внутренними функциями:

Этнокультурной – сохранение или возрождение национальной культуры своего народа; развитие и передача этнических культурных ценностей, в том числе и конфессиональной приверженности; сохранение и развитие национального самосознания.

Социальной – защита членов диаспоры, проявляющаяся в отстаивании их гражданских и экономических прав, содействии в получении гражданства и профессиональном самоопределении, оказании материальной, консультативной, правовой помощи.

Экономической – развитие производства национальных товаров, развитие национальных ремесел и промыслов.

Политической – лоббирование дополнительных прав для своего народа, влияние на позицию страны проживания на международной арене, участие в избирательных кампаниях в стране проживания и других политических реалиях [Найданов 2015, 161].

Когда диаспорная группа достаточно активна и инициативна, она стремится к сохранению своей культуры, языка и идентичности собственными силами, но опираясь все же на помощь местной власти. Многое зависит от национально-языковой политики, которую осуществляют республики или области, в которых проживают диаспоры. В частности, там, где проводится политика, направленная на поддержку только титульной нации, диаспоры попадают в неблагоприятные условия. Там же, где местное руководство старается согласовывать интересы титульного этноса и остальной части населения, диаспора получает возможности для реализации своих этнокультурных интересов. В Татарстане, например, чтобы не подчеркивать национальную принадлежность, все большее распространение получает название жителей республики – «татарстанец»

[цит. по: Лаллукка 1999, 53]. Это начинание нашло положительный отклик у диаспор Татарстана.

Обычно первые поколения переселенцев лучше сохраняют традиционные черты поведения и мировоззрения своей родины, но последующие поколения, постепенно все более адаптируются к новой обстановке, утрачивая какие-то этнокультурные черты своего народа и приобретая иные от окружающих их этносов. Однако эта адаптация не носит насильственного характера, просто сказывается результат жизни в новых условиях. Дальнейшее зависит от того, сможет ли диаспора проявить внутреннюю способность к самоорганизации, сохранению родного языка, этнической идентификации, под которой «понимается реализация существующего набора объективных и субъективных признаков, по которым каждая личность субъективно относит себя к определенной этнической общности и объективно себя в ней реализует» [Губогло 1998, 45].

Один из важнейших элементов этнического самосознания – язык, поэтому его сохранение имеет большое значение для диаспоры, если она стремится к удовлетворению своих культурных потребностей на новой родине. С понижением значимости языка понижается роль и тех признаков самосознания, которые с ним тесно связаны. Как считает венгерский исследователь Л. Фейеш, язык может исчезнуть, хотя языковая общность остается «в нетронутом виде». Такая ситуация, по мнению ученого, типична для иммигрантских сообществ [Фейеш 2010, 348].

Ряд сфер культурной и духовной жизни народа самым непосредственным образом связан с родным языком, особенно это относится к религиозным воззрениям, традициям, ритуалам, народным праздникам, народному песенному творчеству. Марийцы никогда не смогут представить, чтобы языческие молитвы Чимарий читались не на марийском языке, а на каком-то другом. Утратив родной язык, человек теряет и многие характерные явления своей этнической культуры.

В современных условиях широко распространенного двуязычия, даже ассимилируясь в языковом плане, человек может получать необходимую ему информацию на чужом языке. Тем не менее С. Лаллукка считает, что «смена родного языка составляет, пожалуй, наиболее существенный шаг в процессе этнической реидентификации. Трудно представить себе какой-либо другой феномен, более выразительно характеризующий стадию, достигнутую центральными финно-угорскими народами в движении каждого из них к ассимиляции» [Lallukka 1990, 175].

Чтобы диаспоре сохранить свой язык и культуру в инонациональном окружении, необходимы соответствующие условия, а именно: внимание и поддержка местных властей. В тех регионах РФ, где сосредоточены большие диаспорные общины, руководство по мере возможностей помогает их детям приобщиться к родному языку посредством школьного образования. Наиболее благоприятным может считаться наличие обучения на родном языке, но по ряду причин, в том числе экономического характера, в большинстве мест проживания диаспор нет школ с обучением на языке или их очень мало, и из года в год количество их сокращается.

Данные за 2014/2015 уч. год, полученные из Минобрнауки, показывают, что в городе фактически остались школы только в Башкортостане – 8 школ (290 уч.),

где изучали как предмет марийский луговой язык. В сельской местности Башкортостана: как язык обучения использовался марийский луговой в 12 начальных школах (167 уч.), и удмуртский в 4 начальных школах (59 уч.). Как предмет изучали марийский луговой в 118 школах (5458 уч.), язык мокша в 1 школе (20 уч.), эрзя – в 8 школах (217 уч.) и удмуртский – в 31 школе (1183 уч.).

В Татарстане в сельской местности на марийском луговом обучались в 10 школах 159 уч. и на удмуртском – в 12 начальных школах 163 уч. Как предмет марийский луговой изучался в 14 школах (450 уч.), язык мокша – в 1 школе (40 уч.) и удмуртский – в 23 школах (1137 уч.).

В областях как предмет марийский луговой изучался: в Кировской – 2 школы (92 уч.), в Свердловской – 4 школы (197 уч.), в Пермском крае – 1 школа (39 уч.); там же: удмуртский язык – в 1 школе (34 уч.). В Ульяновской обл. язык эрзя изучался в 1 школе (26 уч.).

То, что в Татарстане и Башкортостане ведется преподавание для марийских и удмуртских учащихся, отмечает и финский исследователь К. Замятин. Однако он же подчеркивает, что количество языков еще не является информативным критерием, поскольку оно не отражает фактического объема преподавания каждого языка в каждом регионе [Zamyatin 2014, 20].

Большое значение имеют также средства массовой информации на родном языке диаспоры. Если есть возможность прочитать газеты и журналы на своем языке, посмотреть или послушать новости с исторической родины, представители диаспоры ощущают с ней неразрывную связь, а чтение прессы помогает поддерживать знание родного языка. Читать газеты на родном языке могут марийцы в Башкортостане, где с 1991 г. выходит газета «Чолман» («Кама») тиражом 1700 экз. В других районах проживания финно-угорских диаспор данных о средствах массовой информации на языках не удалось обнаружить.

Наиболее доступное средство для сохранения своей идентичности на новой родине – национально-культурные автономии и творческие художественные коллективы. В июне 1996 г. был принят Федеральный Закон «О национально-культурной автономии», ст. 1 которого гласила: «Национально-культурная автономия в Российской Федерации (далее – национально-культурная автономия) – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов» [Федеральный... 1996].

К основным направлениям деятельности национально-культурных автономий относится создание культурных центров, фондов и учреждений культуры, проведение информационного обмена и этнокультурных мероприятий, защита прав, проведение национальных праздников и организация пропагандистской работы.

После принятия этого закона в регионах с крупными диаспорами стали открываться национально-культурные автономии, которые играют большую роль в жизни диаспоры, поскольку решение проблем более конструктивно, когда у нее есть такое общественное объединение на новой родине. Наряду с автономиями появились и другие всевозможные организации: историко-культурные центры, республиканские центры культуры, национально-культурные общества и т.п.; все они призваны способствовать объединению людей одной культуры, сохранению языка, национальной идентичности. Например, в Республиках Башкортостан и Татарстан, Свердловской, Самарской и других областях действуют национально-культурные автономии марийцев, удмуртов и мордвы, работают историко-культурные центры в Башкортостане: марийский историко-культурный центр «Мишкино», мордовский национально-культурный центр «Ассамблея финно-угорских народов», мордовский историко-культурный центр, удмуртский историко-культурный центр «Новые Татышлы», республиканский национально-культурный центр удмуртов. В Татарстане: в гг. Казань, Набережные Челны и 8 районах функционируют национально-культурные автономии удмуртов [Национально-культурная...], марийская и мордовская национально-культурные автономии. Помимо этого, существует множество народных ансамблей, фольклорных творческих коллективов, домов дружбы, проводятся Дни родного языка, конкурсы на лучшее знание языка и множество других мероприятий. Все это помогает финно-уграм, находящимся в окружении иноязычных народов, сохранять свой язык и культуру.

Возможность отправления религиозных потребностей, особенно с учетом различия религиозных воззрений окружающих, чаще всего – мусульманских или христианских, и мировоззрения финно-угров – языческого – еще один фактор, помогающий в сохранении своей идентичности и языка. Например, «чистых» язычников, т.е. не обращенных в православную веру марийцев, в диаспоре – 90 %, тогда как в Марий Эл таких всего 5–7 %. К язычеству, переживающему в последние годы период возрождения, стали обращаться и крещеные марийцы – «двоеверы», как их стали называть. «Двоеверы» ходят и в церковь, и в священные рощи, считая, что они поклоняются одному богу, только по-разному. Обычно они крестят детей, но никогда не исповедуются и не причащаются, а перед иконами православных святых читают языческие молитвы. Современный конфессиональный синкретизм – это примечательная особенность ряда языческих народов России [Марийцы 2005, 223–224].

В Российской Федерации нет федерального закона, посвященного правам национальных меньшинств, к которым относятся также и диаспоры. Нормы, регламентирующие вопросы, связанные с защитой этих меньшинств, содержатся в федеральных законах о языках, о национальной автономии, об образовании и др., а также в законах субъектов федерации. Например, в принятых Законах о языках в Башкортостане (1999) и Татарстане (1992) гарантируется равноправие всех языков. А в Законе Башкортостана в ст. 3 отдельным пунктом прямо прописаны права диаспоры: «В местностях компактного проживания населения, живущего за пределами своих национально-государственных образований, наряду с государственными языками Республики Башкортостан в официальных сферах используется язык населения данной местности» (ст. 3, п. 2).

Многие зарубежные и российские ученые неоднократно отмечали более высокий уровень этнического самосознания и более высокую степень сохранения своих языков у финно-угров в Татарстане и Башкортостане. Это объясняется не только благоприятными условиями, но и тем позитивным влиянием, которые оказывают титульные нации этих республик своей консолидацией, приверженностью родным языкам, сохранением национальной культуры. Неслучайно процент владеющих родными языками у финно-угорской диаспоры в ряде случаев выше, чем в титульных республиках. Например, 81,4 % башкирских удмуртов владеют родным языком, тогда как в Удмуртской Республике таких – 55,8 %.

Достаточно высокий процент владения родными языками демонстрируют и другие финно-угорские диаспоры. В Татарстане мордовскими языками владеют 66 % мордвы, марийскими – 72,5 % марийцев, удмуртским – 83 % удмуртов. В Башкортостане марийскими языками – 73,5 % марийцев, мордовскими языками – 51,2 % мордвы [Итоги... 2012].

Последнее время деятельность «старых» диаспор значительно активизировалась: укрепляются связи с исторической родиной, устраиваются дни культуры, отмечаются совместные национальные праздники, открываются представительства, организовываются туристические поездки. Республики также стали активнее интересоваться делами своих соотечественников, живущих в других районах страны. В Удмуртской Республике разработана программа «Поддержка удмуртской диаспоры», создан банк данных по удмуртской диаспоре. Республика Марий Эл также укрепляет связи между районами Марий Эл и регионами России, в которых проживают марийцы, в частности, между Марий Эл и Башкортостаном, Марий Эл и Пермской обл. А на VIII Съезде марийского народа в 2008 г. было предложено создать программу «Марийская диаспора».

Налажены тесные контакты Республики Мордовия с представителями мордовской диаспоры в Чувашии, Татарстане, Башкортостане, в Нижегородской, Оренбургской, Самарской, Ульяновской и Пензенской областях. Формы сотрудничества самые разные – от консультативных встреч до представлений учебно-методических материалов, обеспечивающих преподавание курсов мокшанского и эрзянского языков.

Ассимиляционные процессы происходят активнее в тех сельских районах, где финно-угорское население находится в меньшинстве и где нет школ и средств массовой информации на родном языке. Чаще всего в таких условиях утрачивается чувство этнической идентичности, теряется язык. Большое влияние оказывают также процессы урбанизации, все более ускоряющиеся в наше время. Изменение соотношения сельского и городского населения приведет также к смене языковых приоритетов. Можно предположить, что в будущем все большее число финно-угров будет подвергаться деэтнизации, если не произойдет каких-либо коренных перемен. Ассимиляционные процессы не являются единственным фактором, влияющим на этнодемографические параметры диаспорных групп. Как и в целом по России, сложной и болезненной проблемой для них остаются высокая смертность и низкая рождаемость, вносящие существенные коррективы в этнодемографическую ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78.

Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. 813 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 4. Кн. 1, М.: Изд. «Статистика России», 2012. 2101 с.

Кондрашкина Е. А. Динамика функционального развития марийского языка. М., 2008. 180 с.

Лаллукка С. К типологизации развития диаспорных идентичностей финно-угров России // Финно-угроведение. 1999. № 1. С. 44–56.

Лаллукка С. Диаспора. Теоретический и прикладной аспекты (опыт анализа групп российских финно-угров) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 91–97.

Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. 334 с.

Мордва. Интернет-сайт «Финно-угорский мир», 2008 // URL: <http://finno-ugry.ru/finnougricworld/mordva> (дата обращения: 19.12.2017).

Мордва и в Татарстане хранит заветы предков // URL: <http://finugor.ru/news/mordva-i-v-tatarstane-hranit-zavety-predkov> (дата обращения: 19.12.2017).

Найданов А. А. Функции диаспоры как объекта этносоциального исследования // Инновационная наука. 2015. № 7. С. 160–161.

Национально-культурная автономия удмуртов // URL: <http://udm.addnt.ru/groups> (дата обращения: 11.01.2018).

Садилов Р. Р. Закамские удмурты: история формирования этнографической группы // Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии: Сб. статей. М., 2006. С. 165–178.

Сануков К. Н. Финно-угорские народы России: проблемы национального идентитета // Финно-угроведение. 2001. № 1. С. 128–141.

Сепеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006. 199 с.

Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с.

Талпаз Н. Черемисы приволжские в досоветских источниках. Йошкар-Ола: Изд. «Стринг», 2007. 88 с.

Федеральный закон «О национально-культурной автономии». М., 1996 // URL: <http://base.garant.ru/135765/> (дата обращения: 11.01.2018).

Шеда-Зорина И. М. Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа: Дисс. ... на соиск. уч. ст. к. ист. наук. Ижевск, 2007. 221 с.

Fejes L. When Language dies before the Language Community // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция, Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. М., 2010. С. 348–351.

Lallukka S. The Fast Finnic Minorities in the Soviet Union: An Appraisal of the Erosive Trends. Helsinki, 1990. 252 p.

Zamyatin K. An Official Status for Minority Languages? A Study of State Languages in Russian's Finno-Ugric Republics. Helsinki, 2014. 381 p.

Поступила в редакцию 21.03.2018

Кондрашкина Елена Алексеевна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям

Института языкознания РАН,

125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1

e-mail: e.kondrashkina@inbox.ru

E. A. Kondrashkina

Finno-Ugric Diasporas in Russia: Historical, Cultural and Sociolinguistic Characteristics

The Mari, the Mordvins and the Udmurts are the most diasporized Finno-Ugric peoples in Russia. Based on a study of their diasporal genesis, historical and cultural development and current status, the paper is aimed at determining the sociolinguistic features of their functioning in the past and present as well as considering the preservation of language and ethnicity of these peoples in a foreign environment.

Finno-Ugric diasporas are settled in different regions of Russia but mostly in the regions and republics of the Volga Federal Okrug. In those areas where the Russian population usually prevails, local authorities mainly support the Russian language, although diasporal schools work in some areas. According to the research, the most favorable conditions for diasporas have been created in the Republic of Tatarstan and the Republic of Bashkortostan.

Keywords: Mari diaspora, Mordvin diaspora, Udmurt diaspora, diaspora adaptation, preservation of language and culture, school education, national and cultural autonomies.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 2, pp. 94–106. In Russian.

REFERENCES

Arutyunov S. A. Diaspora – eto protsess [Diaspora is a process]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2000, no 2, pp. 74–78. In Russian.

Guboglo M. N. *Yazyki etnicheskoy mobilizatsii* [Languages of ethnic mobilization]. Moscow, 1998. 813 p. In Russian.

Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 g. [All-Russia Population Census 2010], Moscow, Statistika Rossii Publ., 2012, 11 volumes. Vol. 4. Book 1. 2101 p. In Russian.

Kondrashkina E. A. *Dinamika funktsionalnogo razvitiya marijskogo yazika* [Dynamics of the functional development of the Mari language]. Moscow, 2008. 180 p. In Russian.

Lallukka S. K tipologizatsii razvitiya diaspornykh identichnostej finno-ugrov Rossii [To the developmental typologization of diaspora identities of the Russian Finno-Ugrians]. *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric Studies], 1999, no. 1, pp. 44–56. In Russian.

Lallukka S. Diaspora. Teoreticheskij i prikladnoj aspekty (opyt analiza grupp rossijskikh finno-ugrov [Diaspora. Theoretical and applied aspects (experience of analysis of group of Russian Finno-ugrians)]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological research], 2000, no. 7, pp. 91–97. In Russian.

Marijtsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Mari. Historical and ethnographic essays]. Yoshkar-Ola, 2005. 334 p. In Russian.

Mordva. Internet-sajt «Finno-ugorskij mir» [Internet site “Finno-Ugric World”], 2008. In Russian. URL: <http://finno-ugry.ru/finnougricworld/mordva> (accessed: 19.12.2017).

Mordva i v Tatarstane khranit zavety predkov [Mordvins follow the traditions of their ancestors in Tatarstan as well]. In Russian. URL: <http://finugor.ru/news/mordva-i-v-tatarstane-khranit-zavety-predkov> (accessed: 19.12.2017).

Najdanov A. A. Funktsii diaspory kak ob’ekta etnosotsial’nogo issledovaniya [Functions of the diaspora as an object of ethnosocial research]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science], 2015, no. 7, pp. 160–161, in Russian.

Natsional’no-kul’turnaya avtonomiya udmurtov [National and cultural autonomy of Udmurts]. In Russian. URL: <http://udm.addnt.ru/groups> (accessed: 11.01.2018).

Sadikov R. R. Zakamskie udmurty: istoriya formirovaniya etnograficheskoi gruppy [Zakamsk Udmurts. The history of ethnographic group formation]. *Etnostatisticheskie traektorii*

Yuzhnogo Urala. Dinamika rasseleniya narodov Bashkirii Sbornik statei [Ethnostatistical trajectories of the Southern Urals. The dynamics of settlement of the peoples of Bashkortostan. Digest of articles]. Moscow, 2006. Pp. 165–178. In Russian.

Sanukov K. N. Finno-ugorskie narody Rossii: problemy natsional'nogo identiteta [Finno-Ugric Peoples of Russia: Problems of National Identity]. *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric Studies], 2001, no. 1, pp. 128–141. In Russian.

Sepeev G. A. *Istoriya rasseleniya marijitsev* [History of the resettlement of the Mari]. Yoshkar-Ola, 2006. 199 p. In Russian.

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Glossary of Sociolinguistic Terms]. Moscow, 2006. 312 p. In Russian.

Talpaz N. *Cheremisy privolzhskie v dosovetskikh istochnikakh* [Cheremis of the Volga in the pre-Soviet sources]. Yoshkar-Ola, "String" Publ., 2007. 88 p. In Russian.

Federal'nyj zakon "O natsional'no-kul'turnoj avtonomii [Federal law "On national-cultural autonomy"]. Moscow, 1996. In Russian. URL: <http://base.garant.ru/135765/> (accessed: 11.01.2018).

Sheda-Zorina I. M. *Udmurtskaya diaspora v sub"ektakh federatsii razlichnogo tipa: Dis. kand. filol. nauk* [Udmurt diaspora in the subjects of the federation of various types: Cand. phil. sci.diss.]. Izhevsk, 2007. 221 p. In Russian.

Fejes L. When Language dies before the Language Community. *Yazyk i obshchestvo v sovremennoj Rossii i drugikh stranakh. Mezhdunarodnaya konferentsiya. Moskva, 21–24 iyunya 2010. Doklady i soobshcheniya* [Language and Society in Present-day Russia and other Countries. International conference. Moscow, June 21–24, 2010. Reports and communications]. Moscow, 2010. Pp. 348–351.

Lallukka S. *The Fast Finnic Minorities in the Soviet Union: An Appraisal of the Erosive Trends*. Helsinki, 1990. 252 p.

Zamyatin K. *An Official Status for Minority Languages? A Study of State Languages in Russian's Finno-Ugric Republics*. Helsinki, 2014. 381 p.

Received 21.03.2018

Kondrashkina Elena Alekseevna,

Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher,
Research Center on Interethnic Relationships and Languages
of the Institute of Linguistic of the Russian Academy of Sciences,
1, Bolshoi Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russian Federation
e-mail: e.kondrashkina@inbox.ru